

16+

Евгения Черноусова

Письмо паршивой ОВЦЫ

Евгения Черноусова

Письмо паршивой овцы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Евгения Черноусова

Письмо паршивой овцы / Евгения Черноусова — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Она о себе говорит, что подобна сыру: снаружи твёрдая, а внутри большие дырки. Дырка «профессия», дырка «семья», дырка «материнство», дырка «мама». А потом становится ещё хуже: с работы увольняют, с братом несчастье, полиция в покушении на убийство обвиняет. А потом и на неё покушаются. Что делать? Разобраться и начать новую жизнь!

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвёртая.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава первая.

– Кожевникова? Инна Леонидовна? Сейчас уточню. Саш, есть у нас такая?

– Среди сотрудников?

– Среди задержанных!

– А... сейчас. Да, вспомнил! В понедельник Мильчикову в клубе с лестницы сбросили...

– Может, сама свалилась?

– Да нет, упала она уже тушкой, даже не расшиблась серьёзно. Удар тупым предметом по голове. Два дня в отключке, били насмерть. Из области на вертолёте нейрохирурга прислали с бригадой, он после операции даже не гарантировал, что из комы выйдет. Но прогноз не оправдался, сегодня она очнулась и сказала, что её эта Леонидовна ударила. Вячеслав Михайлович поручил задержать и допросить.

Иван Иванович в трубку сказал:

– Сергеич, слышал или повторить? – отодвинул от уха, поморщившись. – Ну, давай, подгребай, – бросил телефон на стол и ругнулся. – Хозяин жизни, мать его! Сейчас прилетит. Милашка, что ль какая? Саш, ты её видел?

– Не. Я пойду?

– Нет уж, сначала погляди, быстренько вернись и доложи.

Вернулся Огородников шустро, буквально через несколько минут. Ухмылялся.

– Ладно скалится, докладывай! Модель безмозглая, но с пышным бюстом? У Царька все такие, начиная с жены.

Сашка закатился хохотом:

– Бюст – да, пышный! И в ботах!

– Отставить ржанье! Докладывай!

– Значит, так. Лет примерно сорок пять. Вес – килограмм 80. Ноги такие фужеррами – в щиколотках тонкие, в икрах – во! На ногах боты. Вот те крест, Иваныч, такие боты бабуля моя носила. Войлочные, впереди молния. Волосы в пучок заколоты, очки сильные в круглой оправе, глаза за ними как пуговицы.

– Наверное, родственница. А сказал, что сотрудница его. Ладно, иди! Во, уже здесь! Здравствуйте, Сергей Сергеевич, вы с утра об электорате в заботах? Не волнуйтесь, невиновную не засудим!

– Знаю я вас, сатрапов! Слушай, Иваныч, может, эта Мильчикова от удара по башке куку? Не может Инна Леонидовна человека ударить! Я в ней больше чем в себе уверен! Что самото говорит?

– Её недавно доставили, не знаю ещё.

– Так пойдём, спросим!

Иван Иванович засопел недовольно, но возражать не стал. Только со злорадством подумал, что пусть попрыгает депутат по их ступенькам на костыле и с загипсованной ногой.

– Чего это тебя так поломало по диагонали? Нога правая, а рука левая?

– Ты думаешь, я помню, как летел? Благо что жив остался. А что по диагонали – это даже хорошо. Костыль со стороны больной ноги держать есть чем.

Задержанную Саша описал точно. Такая она и была. Но это он её ещё не слышал! От грузноватой тётки Иван Иванович ожидал низкого или глухого голоса, но никак не такого! Она отвечала тоненьким, каким-то детским голоском. Оказалось, она у Царьковой парализованной матери сиделка. В тот день как пришла чуть позже восьми (в магазин за продуктами для пациентки заходила), так и не выходила из квартиры до девяти вечера. Говорила, что, как и всегда, к ним никто не заходил кроме массажистки, которая обычно приходила в двенадцать, а в понедельник пришла на час раньше. Что Наталья Петровна спала, и, чтобы её не будить, потому

что после побудки она всегда злится и капризничает, предложила массажистке пообедать. Так что ушла она ближе к двенадцати. И всё, потом до вечера были они вдвоём, пока Валентина не пришла после работы. Это ещё одна сиделка, ей Царёв в квартире комнату выделил, где она живёт с маленькой дочкой и по ночам за бабулей приглядывает. А днём две дневные сиделки через день по очереди.

– Ну вот, не могла Инна Леонидовна по башке ударить, – убеждённо заявил её работодатель.

– А Мильчикова уверяет, что она, – возразил Иван Иванович.

– Ну и что? Слова одной против другой. Какие основания у вас Мильчиковой верить? Инна Леонидовна здорова, а у этой травма головы. Может, у неё амнезия?

– Амнезия – это когда ничего не помнишь. А она сразу вспомнила, кто её ударил, – возразил Иван Иванович. Но сам засомневался. Он считал себя человеком проницательным. Как-то не тянула эта тётка на убийцу. Видно же, что человек уравновешенный, характер не взрывной. – Инна Леонидовна, а какие у вас с ней взаимоотношения?

– Да никаких. Когда она к нам начальницей пришла, всё было первое время нормально. Потом вдруг стала придираться. А потом предложила написать по собственному. Ну, я написала и ушла. Больше не виделись.

– А почему она предложила? Ну, чем мотивировала?

– Да я не спрашивала. Подумала, кому-то эту ставку обещала...

– И вы не возражали?

– А толку?

– Ну, вы нормально исполняли обязанности?

– Я работала в отделе культуры делопроизводителем, но числилась на ставке заведующей автоклубом. С такой позиции сдвинуть очень легко, стоит только потребовать выполнения обязанностей согласно должностной инструкции.

– Ты знаешь, сколько она там получала? Чуть больше минималки! За такую зарплату по башке не бьют, – опять загорячился Царёв.

– Кому ты это говоришь? Я сколько случаев тебе могу рассказать, когда за мелочь или за поношенную куртку убивали. Да, не повезло вам. Беляков, – обратился он к полицейскому, ведущему допрос. – А нет там где-нибудь на подходе к клубу камеры?

– На универмаге есть. Главный вход просматривается. Но можно ещё через ворота пройти со стороны узла связи и через художественную мастерскую. И со стороны смотровой площадки.

– Видеокамеры! Блин, вот я дурак! У меня же радионяня, – постучал себя по голове Царёв.

– Это как? – спросил Беляков.

– Это такая штука для присмотра за младенцем, – сказал Царёв. – Поставили, когда сестра за матерью ходила. Она у себя в спальне могла слышать, если мать голос подавала. А потом, когда чужие люди стали ухаживать, мне посоветовали сменить технику. Теперь можно за спальней наблюдать с помощью смартфона.

– Видео?

– Да нет, зачем. Только радио. Там функция голосовой активации, когда тихо, то няня в режиме ожидания, батарея не расходуется. А когда кто-нибудь звуки издаёт, она оживает и передаёт сигнал. Запись у меня на диске сохраняется, кажется, десять дней, потом затирается. Но я уже полгода, наверное, не прослушивал, с тех пор, как сиделок нанял.

– Но я у вас первый месяц работаю, – возразила задержанная.

– Инна Леонидовна, неужели я бы вас проверять стал?!

«Надо же, какое доверие», – взял на заметку Иван Иванович. А Царёв вытащил из кармана телефон и бормотал:

– Дай бог памяти, как там... диск... и что дальше?

– Сергеич, не гробь технику! Затрешь ещё запись. Сейчас мы кого-нибудь из техотдела позовём!

Не любил Иван Иванович технарей. Высокомерие и никакой субординации. Как же, специалисты незаменимые! Но разобрался этот Витя быстро, ещё, молодец какой, умудрился Царьков смартфон охаять, карта, мол, там какая-то слабая. Перекинул нужную папку себе на нетбук, спросил:

– Всё слушать будете?

– А там время указывается? – спросил технически непродвинутый Беляков.

– Время активации. Каждой.

– И что там после одиннадцати?

– С 11-01, с 12-40, с 13-08...

– Стоп! Давай 13-08!

Дверной звонок. Невнятный разговор. На лице Инны Леонидовны недоумение. Щелчок. Скрип. какой-то звон.

– А! Это же воду отключали! Соседка зашла сказать. Я во все ёмкости воду набирала.

– Какая соседка?

– Я там ещё не знаю никого по имени. Она сверху, симпатичная такая. Дети у неё. Дочь маленькая, беленькая, такая лопотушка.

– Наташка Огородникова, – сказал Царёв. – Я ей сейчас позвоню, она подтвердит!

– Не надо, – сказал Иван Иванович. – Я сейчас участкового пошлю, он опросит сразу под протокол.

Царёв насупился, что заподозрили в давлении на свидетеля, но промолчал. Заговорили о том, как повезло, что техника включилась аккуратно в момент нападения. И о том, почему это Мильчикова так уверенно указала на свою бывшую подчинённую.

– Нападавший стоял перед ней, она его видела. Скрывает кого? Кто там у неё из близких? Муж? Любовник? Дочь далеко. Какие у неё в семье взаимоотношения? Инна Леонидовна, мужа её знаете? – оживился Беляков.

– Рома? Абсолютно задавленный своей авторитарной женой. Он глаза на неё поднять боится, не то что руку с тупым предметом. Пьянка – его единственный способ протеста.

– А какие у вас с ним взаимоотношения? Могла она вас к нему приревновать?

Инна Леонидовна поперхнулась смехом. Вытащила из кармана платок, сняла очки и начала их протирать. Иван Иванович подумал, что, пожалуй, ей ближе к сорока, чем к пятидесяти. И глаза у неё не пуговицы, а большущие такие серые глазищи, несколько навывкате. И веки выпуклые, гладкие. Специально, что ли, она их прячет за уродливыми этими очками? И весь её прикид – не маскировка ли? Боты эти... да нет, боты вполне соответствуют и потрёпанному пальто, и вязаной шапке. Откуда чему другому взяться, если получала минималку? А очки не маскировочные, потому что он по теще своей знает, что, когда человек с большой потерей зрения очки снимает, именно так глаза разбегаются. Какая-то в них не то косинка, не то чудинка.

– Я Рому лет пятнадцать знаю. Он не ходок. Да и я не Цирцея. А главное – это то, что Раиса Михайловна очень высоко оценивает себя и очень низко Рому. Меня, кстати, тоже.

Иван Иванович мысленно для себя перевёл: никогда эта холёная молодящаяся начальница не поверит, что можно променять её, такую красивую, на такое потрёпанное ничтожество.

– Низко его оценивает? А что ж получше себе не нашла? – спросил Беляков.

– Она не раз грозила, что разведётся. Может, и разведётся. А может, ей он как боксёрская груша нужен.

– Бьёт, чти ли?

– Нет, конечно. Но унижает с удовольствием.

Тем временем Беляков распечатал протокол и положил на стол перед Инной Леонидовной:

– Вот, на каждой странице: с моих слов...

Она стала расписываться, а тут участковый зашёл. Поздоровался, прошёл к столу, коснулся её плеча, сказал: «Здравствуй, Инночка», вынул из папки два листочка и кинул на стол. Она ему кивнула: «Здравствуй, Володя» и вернулась к бумагам.

– О, и Семёновна видела! Железно, двое свидетелей!

– Что ещё? – спросил Иван Иванович.

– Там бабка в квартире напротив. Она или у подъезда на лавочке сидит, или в глазок подглядывает. А в понедельник Наташу поджидала, что-то у неё спросить хотела. Но услышала про воду и выходить не стала, кинулась ведра заполнять. Но то, что Инна Леонидовна в это время с Наташей разговаривала, подтвердила.

– Инна, я подвезу, – сказал участковый. – Куда тебя?

– Там моя машина у входа, – перебил его Царёв. – Позвоню водителю, он отвезёт.

– Спасибо, я лучше пройду. Голова разболелась. По дороге чернослив куплю для Натальи Петровны.

Иван Иванович участкового придержал, не дал вслед за ней выйти, нужен, мол, подошёл к столу и стал просматривать шапку протокола. Да, сорок два года, образование...

– А чего ж она с высшим образованием такой фигнёй занимается? Могла бы получше устроиться. Почему по специальности не работает? Владимир Иванович, вы же знакомы?

Участковый вздохнул:

– Мы типа родня. Её бывший муж – двоюродный брат моей Надежды. Она после института в детском садике работала, потому что в школе места не было. Ну, а потом пришлось уйти.

– Да уж договаривай! Тоже кого-то пришибла?

– Скажете тоже! У неё ребёнок родился больной. Врачи сразу говорили: не будет жить! Семья мужа требовала оставить в роддоме. Но она же внучка поповны. С ребёнком к своей маме переселилась. Где-то около года он жил. А потом... ну, после похорон... не могла слышать детского плача. Вышла на работу, кто-то в группе заплакал, а она сознание потеряла. Вот и пристроили её в отдел культуры.

– И что, с тех пор ни семьи, ни работы приличной? Муж объелся груш?

– Там семейка – не дай бог. Жадные, сварливые. Они за эти месяцы расчухали, что второй такой кроткой в Утятине не найти. Прямо на поминках начали уговаривать вернуться: вы, мол у алтаря обет верности давали. А она ответила: да, обещали быть вместе и в горе, и в радости. Я теперь умею горе в одиночку переносить. Так зачем мне с кем-то радость делить? Уж как они её потом хаяли! Мол, никчёмная, даже ребёнка нормального выносить не смогла, а туда же, кочевряжится! Андрюха потом с соседкой её Ирккой закрутил. Назло, они же подругами были с детства. Поженились. А гнильца-то оказалась с мужской стороны, и ребёнок у них родился точно такой же! Только Ирка его сразу оставила и в Уремовск перебралась. А Андрюха – на севера. Такая вот история.

– А кто всё-таки эту бабу по балде двинул? – спросил Царёв. – Ведь если убить хотели, так ещё раз треснут. Мне что теперь, купить ещё одну радионяню и Инне Леонидовне на шею вместо колокольчика подвесить, чтобы вы её каждый раз на допрос не таскали?

Глава вторая

Инна Леонидовна не для того пешком пошла, чтобы в магазин зайти. Чернослив она утром по дороге на дежурство купила. Слезы копились весь этот час, и она с трудом сдержала их до скверика. Хотела перейти дорогу и углубиться в парк, но не донесла.

Присев на скамейку, она сняла очки и уткнулась в платок.

Как всё это гадко, унижительно! Обвинили её в покушении на убийство. И ещё этот начальник! Он глядел на неё, как на какое-то раздавленное насекомое. На боты эти мамины, на пальто. Ну, нет у неё денег и никогда не было! Зарплата маленькая, коммуналка дорогая, после газификации их улицы она с кредитом уже восемь лет никак расплатиться не может...

Скрипнула скамейка.

– Инночка, ты что?

Уселись рядом с ней возрастные примы их народного театра Ираида Семёновна и Таисия Андреевна.

– «Картина ясная: любовь несчастная», – пропела Таисия Андреевна.

– Да ну вас! Я из полиции, – всхлипнула Инна Леонидовна.

Выпытав её историю, Ираида Семёновна сказала:

– Райке череп проломили, вот она и сошла с ума!

– Не пори ерунды, – возразила Таисия Андреевна. – Сходить ей было не с чего. Ума у неё сроду не было.

Инна Леонидовна невольно прыснула. И Ираида Семёновна с приятельницей согласилась:

– Права ты, Тася! Дура она оглушительная. Но всё-таки интересно, за что она Инну ненавидит?

– Да ладно, ненавидит! Просто вредничает.

– Нет, я наблюдала за ней, когда мы Инну на репетицию затащили. Её аж потряхивало от ненависти. Кстати, Инна, а ты почему театр забросила?

– Разве одна я забросила? Да у вас чуть не наполовину коллектив обновился!

– Это точно, – согласилась Ираида Семёновна. – У нас как-то всегда больше мужиков было в составе. А теперь просто цветник! Все девки в возрасте от тринадцати и до бесконечности летят на нашего полурежиссёра как мухи на дерьмо.

– Почему полу?

– Так он ещё учится на режиссёра в какой-то творческой мастерской. Актёрское образование у него пока только. Нет, человек он талантливый. Вот только насчёт баб...

– Ну, и охмурил бы девчонок, – сказала Инна Леонидовна. – Что он перед всеми подряд хвост распускает? Когда он своё мужское обаяние включает, я чувствую себя дурой!

– А я – женщиной, – ответила Таисия Андреевна, вставая. – Приходи, Инна, нам тебя не хватает. Да, как тебя угораздило к Царьковой мамаше в сиделки подрядиться?

– А что, работа не хуже других. И платит он наполовину больше, чем я в отделе культуры получала.

– Люди они уж больно поганые, и он, и Наташка.

– Он за меня заступился, а то бы эта полиция...

– Как-то Серёгина доброта меня удивляет. Наташка смолоду была пьянь и гуляка. Ребятишки у неё, считай, брошенные были. Вот и выросли... нет, сестра у него ничего, но этот! В девяностые мы с Ирой в Польшу за товаром мотались, чтобы выжить, Серёга, тогда ещё сопляк совсем, рэкетом на нас наживался, а Иван Иванович нас к порядку приводил. В результате под Серёгой весь город, Иваныч до зама начальника дослужился, а мы с Ирой по-прежнему

на рынке крутимся: она хоть предприниматель, а я и вовсе плевки подметаю. Наташка-то как, вредничает?

– Сначала очень даже, но как-то по-детски всё... а сейчас нормально.

Пожилые дамы простились и пошли на выход из сквера. Инна Леонидовна глядела им вслед и завидовала белой завистью. Сколько им природой отпущено! Красавицы, до сих пор на них мужики оглядываются, артистичны, умны, с чувством юмора, поют прекрасно, Ираида ещё и на гитаре играет. Жизнь перед ними ковровой дорожки не расстилала, в девяностые даже челночили, чтобы выжить. Приходилось и голодать, и с бандитами воевать. Выжили, не озлобились. Даже в те времена находили отдушину в народном театре. Инна до сих пор помнит спектакль, в котором впервые их увидела – «Без вины виноватые». Ираида играла главную роль, а Таисия – Коринкину. Но игравшая Арину Галчиху тётя Поля, перенервничав, решила снять стресс привычным способом. В результате уснула пьяная за кулисами и в последней своей сцене выйти не смогла. Режиссёр Тамара Афанасьевна чуть не рыдала. А Таисия сказала: «Плевать, прорвёмся!», оделась в Галчихины тряпки, предупредила, что текст знает нетвёрдо, и под суфлёра сыграла так, что Инна, смотревшая спектакль из кинобудки, потому что в зале яблоку было некуда упасть, рыдала. И с тех пор стала самой преданной служительницей этого театра. Не актрисой, нет. Но костюмершей, реквизиторшей, литературным консультантом. Музыку подбирала. Находила пьесы, сокращала их под возможности труппы, распечатывала роли, потом даже советовала кое-что. Играть не умела, но чувствовала характеры и часто предлагала, как построить мизансцену, сменить интонацию, жестикуляцию, сократить или увеличить паузу. К ней прислушивались. Поэтому, когда нынешней весной Тамара Афанасьевна сломала шейку бедра, и сын забрал её в Москву, некоторые актёры даже высказались за её назначение режиссёром. Это, конечно, было очень лестно, но абсолютно нереально. «Дело за малостью. Характера бы мне...», – грустно сказала Инна Леонидовна. И осиротевшие актёры согласились: «Мы ей слова сказать не дадим. Каждый командовать начнёт»

Были и ещё претенденты, в основном, из клубных работников. Режиссёру известного в области народного коллектива светило со временем звание, поэтому начались интриги. Почти уже назначили методиста Таню, но ввиду полного отсутствия у неё знаний и умений коллектив на первой же репетиции сказал своё решительное «Фу!». Таня сгоряча заявила, что никого не держит, и на следующую репетицию не явился никто. Актёры-то ведь не на окладе, заставить их никто не сможет. Как ни пытался примирить их симпатизирующий Тане начальник, пришлось вернуть её на прежнее место. И вот вдруг объявился варяг. Актёр областного драмтеатра Генрих, красавец средиземноморского типа внешности с очень знакомым почему-то лицом. Ираида Семёновна, увидев его впервые, шепнула: «О! Знойный мачо с Аппалачей!» Таисия Андреевна возразила: «Нет, это Рэмбо с маленькой проблемой». «Почему с проблемой?» «А ты что, не помнишь, у него была удачная съёмка в рекламе. Не то перхоти, не то импотенции». Похоже, новый режиссёр всё слышал. Но сдержался. Зато включил своё мужское обаяние на полную катушку. Обаял всех. Ну, кроме Инны Леонидовны. Она поняла, что этот красавец не нуждается в её помощи. И перестала ходить на репетиции.

Пережить можно. Но стало тоскливо.

Тут ещё новая начальница была назначена. Нормально познакомились, она из учителей, как мамы её и Лёшина, как сами они по образованию. Помнится, на следующий день вахтёрша ей позвонила:

– Инна Леонидовна, там вас какая-то шумная женщина разыскивает. Говорит, что троюродная сноха. Это кличка что ль такая?

– Мама моя её так называла. Она жена моего троюродного брата.

Обрадовалась. Редко они виделись в последние годы. А ведь единственная родня. Инна Леонидовна спустилась к вахте. Оказалось, и Лёша приехал. А Варя, отдав деревенские гостинцы, сказала:

– Ну, вы поболтайте здесь покуда, а я с зятем съезжу без Лёшки.

Они прошли через площадку и сели на склоне над озером.

– Совсем не видимся. Не нравится мне твой вид, унылая ты какая-то, – сказал брат, глядя сквозь очки. Несмотря на отдалённость родства, они были похожи: оба светлые, сестра русая, а брат почти блондин, круглолицые, курносые, небольшого росточка, коренастые, близорукие, с детства носили очки. Маленькими казались плотными из-за круглых румяных мордашек, хотя были достаточно худыми. С возрастом Алексей ещё усох и румянность утратил, а Инна наоборот, раздалась.

– Ты как, Инночка?

– Как сыр «Маасдам», – усмехнулась Инна Леонидовна. – Снаружи твёрдая, а внутри большие дырки.

– Какие дырки, Инна?

– От каждой потери в душе пустоты образуются. Дырка «профессия», дырка «семья», дырка «материнство», дырка «мама». Теперь ещё дырка «театр».

– Инна, ну ты что...

У входа в клуб столкнулись с новой начальницей. Лёша и Раиса Михайловна остановились, чтобы поболтать. Брат в Патриаршем завучем работает, а она до назначения начальником отдела культуры в городской гимназии тоже завучем была. Да, тогда она никакой неприязни к Инне не проявляла.

Чтобы собеседникам не мешать, Инна отошла к подъехавшей машине и заговорила с Варей. Та напомнила, что у них осенью хрустальная свадьба будет. И вдруг с неожиданной обидой сказала:

– Мама твоя, наверное, не хотела, чтобы мы так долго вместе прожили? Она ведь была против меня?

– Напрасно ты так, Варя. Хорошо она к тебе относилась, и с детьми выручала не раз. Только она хотела, чтобы Лёша потомство оставил, а сразу понятно было, что ты ему не родишь. Так ведь и вышло.

– Он моих детей вырастил как родных. Чем плохо?

– Не плохо, хорошо. Но считают ли они его родным? Вот спроси их, если с тобой что-нибудь случится, будут они дохаживать его в старости? А ведь мы в роду последние. У прадедушки нашего, священника Рясовской церкви Алексея Васильевича Ивановского было семеро детей. Из них живыми остались только три дочери, которые произвели на свет троих детей, от которых осталось по одному ребёнку. Мы с Лёшей – без потомства. Игоря я десять лет не видела. Но знаю его как облупленного. Не станет он себя семейными заботами отягощать. Так что память о наших предках исчезнет вместе с нами, а родословное древо и записки, начертанные рукой прадедушки, будут изгрызены мышами.

– Так пусть разводится, – сердито сказала Варя. – Сорок лет, может ещё детей настругать.

– Дура ты, – обняла её Инна Леонидовна. – Он же тебя любит...

Если бы она знала, как аукнется им этот разговор!

Глава третья

А ведь когда стало известно, что начальником отдела культуры назначают Раису Михайловну, Инна была единственной, кто обрадовался. Когда-то её на работу брала Александра Ивановна, и с ней работалось хорошо и спокойно. Занималась Инна делопроизводством, да и всё. Ни в самодеятельность её не пытались вовлечь, ни чужие обязанности наваливать. Но года через три Александра Ивановна ушла преподавать во вторую школу, а на её место пришёл мужик. И пошло-поехало! Почему это на ставке заведующей автоклубом сидит делопроизводитель? Пусть занимается тем, чем положено! Инна к тому времени уже пришла в себя, поэтому без особых эмоций сдала по описи все дела инспектору и переселилась в методический кабинет. Никто её на гастроли по сёлам, конечно, не послал. Клубные работники радостно усадили за пишущую машинку, и Инна месяц стучала по клавиатуре, распечатывая их разработки, заодно по умолчанию правя правописание и стиль. А через месяц нагрянула проверка из архива, и инспектору дали по шапке. Присутствовавший при проверке начальник к тому времени уже понял, что в отделе культуры главное – бумажки и ничто кроме, поэтому вернул Инну на прежнее место.

– Вот не понимаю, для чего мы существуем, – сказала тогда Инна инспектрисе. – Учреждения культуры – это я понимаю. В библиотеку хожу, театр наш просто обожаю, школа искусств – это замечательно. Музей – это наша гордость. Ну, концерты самодеятельности – это на любителей, но таких любителей в городе много, а в сёлах и того больше. А вот отдел культуры для чего? Через меня, вернее, через мою пишущую машинку все бумаги проходят: планы, отчёты текстовые и цифровые, доклады, справки. Это же, простите, безрадостная тупая липа.

Инспектриса хихикнула:

– Ты, Инночка, молодая, не помнишь советских времён. Эта липа вековая ещё до нас корни пустила. В годы перестройки как-то показывали театральный капустник, вроде как объясняли иностранцам наши слова и выражения. Знаешь, как растолковали «управление культуры»? «Непереводимая игра слов»! Игрой слов мы занимаемся. Ты со своей зарплатой совестью не мучайся. Табели и больничные заполнила, в бухгалтерию сдала, приказы напечатала и по папкам раскидала и подшила, трудовые заполнены, от телефона не бегаешь, всегда на связи... достаточно! Что ты девчонкам их бумаги печатаешь? Не деньги, так хоть шоколадки бы совали. А они на тебя сели и ножки свесили!

– Да так как-то...

Инна Леонидовна ценила хорошее к ней отношение. Месяц, проведённый в методическом кабинете, плохим не считала. Да, болела спина от восьмичасового сидения за машинкой. Но зато никто не дёргал. Она по своей природе аккуратна, методична и усидчива, и внезапное переключение от одного вида деятельности к другому её раздражает и сбивает с ритма. В благодарность за тот спокойный месяц она не отказывалась помочь. Но спустя некоторое время оказалось, что обязанности машинистки стали именно обязанностями. И уже никто не просил, а требовали, и ещё ворчали за медлительность.

Тот начальник не продержался и двух лет. И пошли сменяться на этом посту один за другим люди абсолютно случайные: то не поладивший с редактором журналист, то проштрафившийся помпрокурора, то задвинутому с должности заместителя городского главы дали возможность досидеть до пенсии в этом кресле. Все как на подбор безмерно пьющие. Инне приходилось самоотверженно прикрывать это пьянство, запирая очередного босса в кабинете и отвечая по телефону, что Такойто Такойтович в области, на концерте, в поликлинике, уехал с проверкой по сёлам... словом, отсутствует по уважительной причине. И держала в столе мятную жвачку и кофейные зёрна, которые совала ему на ходу, когда какая-то встреча предстояла.

Так что приход женщины на этот пост ею приветствовался. И первое время всё было хорошо. Когда началась эта немотивированная ненависть? В полной мере Инна Леонидовна ощутила её в тот день, когда в отделе культуры появился Генрих с просьбой посмотреть свежим взглядом их новый спектакль... или нет, она тогда сразу не пошла с ним, сказав, что придёт после пяти. Значит, уже чувствовала себя под колпаком у Мюллера. Да, точно, Раиса Михайловна радостно выглянула тогда из кабинета, услышав его мягкий баритон, и изменилась в лице, когда увидела, куда направлен поток его обаяния. Неужели влюблена? Да быть того не может, он ей в сынки годится! Да и Инна на соперницу никак не тянет.

Тогда, значит, наши примы настояли, чтобы он Инну пригласил. Она тихо зашла в зрительный зал, кинула пальто и сумку и уселась в центре одиннадцатого ряда в широком проходе, там, где у пульта Рома колдовал. Сидевшие в первом ряду Генрих и Раиса Михайловна оглянулись на неё. Что там дальше? Да, Рома кивнул ей и перекинул свёрнутый в трубку текст пьесы. Потом Инна читала его по диагонали, одновременно не выпуская из виду действие на сцене. Спектакль был уже почти готовый, репетировали в костюмах и с декорациями. Потом Генрих объявил перерыв, и те, кто был занят на сцене, разошлись. Часть ушли в кулисы, кто-то спустился в зал. Генрих через ряды спросил: «Как вам?» Инна Леонидовна нерешительно начала: «Я, кажется, понимаю...», но Раиса Михайловна своим хорошо поставленным учительским голосом стала вещать какие-то общие фразы. Инна Леонидовна поняла, что режиссёру не очень-то нужно было её мнение, это коллектив ему её навязал, но комплименты начальницы тоже радости не доставили, а только отнимали время. Тут Инну Леонидовну подозвала Таисия Андреевна и попросила отрегулировать длину её шлейфа, который при ходьбе всё время за что-нибудь цеплялся. Инна предложила ей повторить маршрут по сцене без слов, а потом засмеялась: «Даже если мы обкорнаем его до размера короткой фаты, вы всё равно будете цепляться!» Актриса возразила, что не может же она ходить по сцене плавно, у её героини темперамент такой, она должна на всех бросаться. «Значит, надо его придерживать. Причём в каждом эпизоде по-разному, чтобы шлейф гляделся не помехой, а подчёркивал отношение героини к партнёру: с королём – подхватывать с двух сторон, как бы собираясь присесть в реверансе, на оклик королевы – одним движением агрессивно наматывать его на руку как плащ тореадора, поворачиваясь к принцу – прихватывать его одной рукой и кокетливо прикрывать наполовину лицо». Подтянувшиеся к ним ветераны сцены со смехом принялись предлагать свои варианты, а Инна отступила к кулисам и стала помогать Коле ушить камзол. Не выдержал Генрих, выкрикнул: «Не так, надо подчеркнуть её нелепость, ну, попробуйте косолапить!», вспорхнул на сцену и стал двигаться с Таисией Андреевной, поочерёдно изображая каждое действующее лицо. Профессионал он, конечно, был настоящий, не чета местным, поэтому их дрейф по сцене превратился в танец. Не выдержав, Инна Леонидовна пискнула: «Боже, это просто балет!» «А давайте попробуем сыграть второе действие как балет!», – загорелся режиссёр. Не получалось, все устали, начало прорываться раздражение. Ираида Семёновна подмигнула ей, и Инна Леонидовна предложила: «А давайте у вас одна Таисия Андреевна будет балериной! В диалоге с ней все переходят на танец, а в остальное время ходят нормально».

Режиссёр оказался достаточно великодушным, чтобы оценить чужую идею. Он поблагодарил Инну Леонидовну за интересную находку и спросил: «Вы начали говорить...» «Да, – подхватила с воодушевлением Инна Леонидовна. – Мне кажется, вам нужно то, что кинематографисты называют крючком – связать эпизоды. Вы так сократили пьесу, что антракты не нужны, но требуется время на перестановку декораций. Выхода тут два – или выносить последний эпизод на авансцену, или интермедии. Но первое, пожалуй, не получится, у вас все сцены массовые...» «Ну, искать вставные номера или придумывать самим перед премьерой... нет!» «У вас ещё одна проблема – занавес застревает». «Ну, это решаемо...» Инна Леонидовна засмеялась: «Это вы нашего директора Феденьку не знаете. У него даже труп таракана в коридоре является обстоятельством непреодолимой силы, и на его вынос требуется время для планиро-

вания, утверждённая смета и штат. Так что на своевременную починку не рассчитывайте. Я бы предложила, чтобы двое из занятых в действии тянули занавес и при этом пели. Есть много диалоговых песен, которые прекрасно сюда впишутся...» У них в труппе все любили петь, в репертуаре был даже один мюзикл, поэтому оживились и стали предлагать: «Не лукавьте», «Три подарка», «Ах, сударыня», «Два призрака». В общем, последний раз такой кайф Инна Леонидовна испытала почти год назад, когда придумала для Таисии Андреевны в роли итальянской синьоры швабру в руках, к которой она обращалась, когда говорила о зяте.

По закону баланса радостей и неприятностей на следующий день по дороге на работу у сапога отвалилась подошва, а потом Раиса Михайловна вызвала её и предложила написать заявление по собственному.

Следовало идти в бюро по трудоустройству, но от произошедшего Инна Леонидовна впала в ступор. Длительное время она плохо спала ночами, а днём как сонная муха бродила по дому в ночной сорочке, и только к обеду вспоминала, что до сих пор не умылась и не почистила зубы. За это время она только один раз вышла из дома, чтобы купить хлеб и молоко. Дважды стучали в окно соседи: тётка из углового дома и Валет из соседнего, младший брат подруги Ирки, на которой шестнадцать лет назад женился Андрей, её бывший. Соседи на их улице очень недружные, вечно между собой ругаются и никак не договорятся. Приходившая тётка скорее всего или в какую-нибудь коалицию её собиралась призвать, или на какие-нибудь общие нужды собирала, а денег у Инны Леонидовны было мало. Валет тоже, небось, за деньгами – на бутылку занимать приходил. Вот и не открыла.

А потом в дверь позвонила Варя. Инна Леонидовна удивилась, накинула халат и открыла:

– Ты одна? Что-нибудь случилось?

– Да нет... а Лёша к тебе не заходил?

– А что, должен был? Мы уж месяца два не виделись.

Варя хлопнулась на стул у входа, не раздеваясь и не разуваясь:

– Он меня бро-о-сил!

Странно, но в этот момент Инна Леонидовна ещё ничего не почувствовала. Она с досадой сказала:

– Да будет тебе! Он что, где-нибудь на улице от тебя сбежал?

Всхлипывая, Варя рассказала, что в прошлый понедельник они поругались, а во вторник утром он уехал на трёхдневную конференцию в Новогорск. Должен был вернуться в четверг вечером или в пятницу с утра, как по расписанию получилось бы, но не приехал. В понедельник из школы позвонили, спрашивают, где Алексей Иванович, у него же уроки. А он не приехал до сих пор! Наверное, нашёл молодую среди местных... вот, будут у тебя племянники!

– Варька, ты идиотка, – взвывала Инна Леонидовна. – Не мог он бросить и тебя, и работу! С ним что-то случилось!

Варя продолжала голосить, что он бросил её, старую и необразованную, и нашёл себе учительницу, их ведь полно одиноких. А Инна уже не слушала её, суматошно собираясь. Господи, что на ноги обуть, сапоги ремонту не подлежат, купить не на что. Сунулась в кладовку, наткнулась на мамини боты, которые за десять лет так и не поднялась рука выбросить. У мамы нога была маленькая, но, вроде, она их на шерстяной носок обувала. Налезли. Вот как легко в них! А на вид плевать! Денег мало совсем, карточку проверяла, расчет ещё не перечислили. Всё, пора бежать! В телефон глянула, и на нём почти ничего, надо пополнить:

– Звони в РОНО, узнай адрес, где ночевали, где заседали.

– Не буду! У меня тоже гордость есть!

– Ты что, не понимаешь, что с ним несчастье случилось! Ладно, сама позвоню, некогда тебя уговаривать.

Добиралась больше четырёх часов. Учреждение, проводившее межрегиональную конференцию, называлось пышно – «Институт развития образования», но по сути это были просто

курсы усовершенствования учителей. И никого из начальства на месте. С трудом добилась от секретарши, что все в прошлый четверг отметили командировки... и отметили командировку тоже, конечно. Но всё в пределах приличия, даже в кафе не ходили, фуршет с бутербродами в фойе. Закончили после шести, так что, кто из других областей, разъезжать собирались на следующий день. Прежде чем идти в гостиницу, зашла в полицию. Там её даже принимать не хотели, обсмеяли, но она хоть уговорила, чтобы телефон свой дали.

А в гостинице оказалось, что Лёша номер не сдал. С трудом добилась, чтобы ей показали издали его вещи, которые вынесли в камеру хранения. Она потребовала, чтобы открыли сумку и показали, что там. И там оказался паспорт с вложенным в него командировочным удостоверением. Инна Леонидовна, обычно тушующаяся перед хамством, на этот раз сама повела себя как рыночная хабалка. Она завопила, что это они постояльца убили! Она добилась, чтобы дежурный администратор сам позвонил по телефону в полицию.

Тот молодой полицейский, который полчаса отфутболивал её, приехал очень быстро. И с досады устроил администратору прочистку мозгов. Вещи принял сам, выдал расписку. Горничная, открывавшая камеру хранения, помявшись, достала с полки ещё большого бурого медведя в упаковке. Без слов было ясно, что хотела она его зажать, да побоялась. Инна понесла медведя в машину, недоумеая: Танечкиному, что ли, сыночку он его купил? Зачем двухмесячному ребёнку такой подарок?

Вернувшись в отдел, полицейский стал звонить по каким-то номерам, тоскливо поглядывая в темнеющее окно. Ясно, что заканчивался рабочий день, а от Инны Леонидовны теперь не отвяжешься:

– Есть в двух моргах неопознанные трупы. Поедете?

– Конечно...

Прошла через этот ужас. Два мужчины среднего возраста, но другой комплекции. Один слишком длинный, другой слишком плотный. Во втором морге отшатнулась, возмутившись:

– Это старик! Лёше сорок лет!

– Вы приглядитесь повнимательней, – стал уговаривать её сопровождающий. – Человек в смерти меняется.

– Да? И у бритого за четыре дня борода вырастает?

На выходе полицейский ответил на звонок и сказал:

– Давайте во вторую травму подъедем. Там есть один неопознанный. На вид бомж, а там... кто его знает...

В прокуренном салоне полицейской машины было душно, но Инна Леонидовна вся зазеленела. А когда вышла на воздух, её и вовсе затрясло. Однако повели её не в подвал и не в отдельно стоящее здание, где обычно морг располагается, а в отделение реанимации. Через стекло предложили взглянуть на пациента. Под капельницей и в прозрачной маске со шлангом на чёрном лице... нет, не он. Но потом рванула дверь и влетела в палату: «Лёшенька!» Её почти силком вывели: «Сюда нельзя!» Потребовали особых примет. Рыдая, глядела на неподвижное тело брата и вспоминала: шрамик над щиколоткой... на подбородке шрам... да, родинка над лопаткой... кажется, левой. Группа крови? Знаю точно, вторая. Он сдавал перед маминой операцией. Обрадованный полицейский вытащил из папки Лёшины документы и совал в руки доктору: «Вот паспорт, что ещё надо?» Доктор его отпихивал: «Не ко мне, это в приёмный покой».

Инна Леонидовна теребила полицейского, чтобы договорился о её пребывании в больнице. Но тут доктора позвали на пост, и он сказал, вернувшись:

– Придётся вашего брата в отделение перевести. Везут людей с большой аварией.

На её расспросы о прогнозах для брата отмахнулся и умчался. Пришли двое из отделения: медсестра и санитарка. Санитарка пожилая, представилась: «Зови меня тётей Шурой». Инна Леонидовна предложила им помочь перетащить его на носилки. И удивительное дело: то

волоком из её палаты вытаскивали, а тут никто не пришёл, чтобы сдать больного. Медсестра сама сняла с него маску, махнув Инне Леонидовне: «Это ничего, он сам дышит». Капельницу отключила: «Тут почти вся, как на кровать переложим, я ему новую поставлю, дежурный врач уже сделал назначение». «Не глядя?» Она в ответ только хмыкнула.

– Что же он грязный такой? – спросила Инна Леонидовна, перекладывая Лёшу на носилки.

– Кто его мыть бы стал, – сказала старуха. – Они думали, он бомж.

В отделении не стали сразу завозить носилки в палату, а оставили в коридоре у стены. Медсестра только заглянула в дверь, сказала:

– А, ещё не увезли.

И ушла. Понятно стало, почему вечером вдруг койка освободилась. Поглядев на позеленевшую Инну Леонидовну, санитарка сказала:

– А давай, милая, его в ванную завезём.

– А можно?

– На носилках-то? Милое дело! Это уж на кровати неудобно будет.

Добрая старуха не только помогла затащить носилки, но и помыть Лёшу, приговаривая:

– Ты смотри, как избил бедного малого, живого места нет. А всё равно видно, что приличный человек. Грязи-то он в котловане понабрался. Видишь, пыль цементная? А эти вертихвостки протёрли только там, где шить надо было. Ты вот приодень его покуда, пижама вот, рубашка, и ещё я тебе от одного нового русского памперсы сволокла... ничего, от него не убудет. Ты не волнуйся, я и матрац ему сейчас новый постелю.

Глава четвёртая.

Утром удалось до обхода поговорить с палатным врачом. Он ничего не обещал, сказал, что все травмы, что по его части: ушибы, перелом ноги и полостная угрозы для жизни не представляют. Но вот голова – тут неопределённость. Глаза Лёша иногда открывал, но ни на что не реагировал. Нейрохирург ничего не обещал: очнется ли, когда очнется и каким очнется – всё под вопросом. Потом долго разговаривала со следователем, ведущим дело. В отличие от вчерашнего полицейского он был внимательным и неторопливым. Расспрашивал подробно, рассказывал откровенно. Брата обнаружили в котловане давно заброшенной стройки. Скидывали его на арматуру, то есть на верную смерть. Поэтому предполагалось, что это сделала банда подростков, которая в последние полгода не раз избивала бомжей.

– Как же он выжил... на арматуре? – дрожащим голосом спросила Инна Леонидовна.

– Помните, как у Гоголя? Что в России стоит забор поставить, как к нему всякой дряни навалют? Там всё заброшено с весны. Огорожено было хорошо, ведь яма очень опасная. Но со временем... сами понимаете. Ну, и из ближайших домов откуда-то мебель выкинули. Судя по всему, старушка какая-то померла, и освобождали квартиру для ремонта. Чем мебель вывозить, её через пролом в заборе на стройку протащили и в котлован пошвыряли. А когда Алексея Ивановича столкнули, он рухнул на бабулин диван. У него только нога на штырь попала, причём опять удачно – между большеберцовой и малоберцовой костями. Скинули его поздним вечером. К утру он бы или от травм помер, или замёрз. Но опять повезло – деда-собачника туда поздней ночью занесло. Вот и спасли вашего братца.

– Что это за молодёжь такая, – дрожащим голосом сказала она.

– Да вот теперь я на эту шайку бы не грешил, хоть и паршивцы они. У них все жертвы – бомжи, потому что они провозгласили себя санитарями общества. Одет Алексей Иванович был прилично, когда из гостиницы уходил. Никак на бомжа не тянул, я уже служащих гостиницы опросил. Кстати, куда он мог пойти? Кто у него из знакомых в нашем городе?

– Никогда он здесь не был, и знакомства никакого быть не могло.

– Всё ли вы знаете? Может, в отпуске или по работе...

– Лёша безвыездно пятнадцать лет живёт в селе. У него работа, хозяйство. Они детей поднимали. Дочь вот только родила, сын на первом курсе. Всё для них!

– Понимаете, его избивали в другом месте. Сюда привезли уже без сознания и раздетого. Это ведь не просто так, машину к котловану не подгонишь. То есть потом ещё протащили через пролом в заборе и несли до котлована. И избит он как-то... избирательно. Похоже, что всё сделано, чтобы его не опознали: разбитое лицо, отсутствие одежды. Значит, убивали конкретного человека. Кто мог желать ему зла?

– Господи, да максимум, кто что-то имел против него – это деревенские двоечники. И понесло бы их в другую область вслед за учителем?

– Да, надежда только на то, что он очнется и сам всё расскажет.

Три ночи и два дня Инна Леонидовна безвылазно дежурила в этой шестиместной палате. Здесь все были лежачие, так что дел хватало: покормить, помочь умыться, судно подать и вынести. Спала сидя на полу и привалившись к Лёшиной подушке. Только раз выскочила за территорию, чтобы купить кое-какие мелочи: выезжала ведь не ожидая, что задержится так надолго. Даже зарядку телефонную не захватила. В магазине скривились, мол, такую древность не держим, спрашивайте у вокзальных цыган. Расчётные так на карту и не поступили, наличные кончались. Приходилось экономить. Когда дежурила тётя Шура, она приносила еду, что Лёше была положена. В остальные дни питалась в больничном буфете. Брала винегрет и булочку с чаем, на большее бы денег не хватило.

На третий день Сергей Сергеевич с соседней койки сказал ей:

– Инна Леонидовна, сегодня палата двухместная освобождается. Я за неё заплатил, так что переселяюсь. Но пока один не справляюсь. Давайте вы за мной ходить будете неделю? Я вам заплачу. И Алексею Ивановичу там лучше будет.

Когда радостная Инна Леонидовна вернулась из аптеки с упаковками разовых пелёнок, салфеток и купленной наконец-то зарядкой для телефона, сосед удивлённо спросил:

– У вас что, денег совсем не осталось? Но ведь мужики из палаты предлагали вам заплатить?

– Как-то стыдно деньги брать с тех, кому хуже, чем тебе. Вы-то, извините, лёгкий по сравнению с остальными.

– Это да, – озадаченно согласился сосед и задумался.

Травмы у него по сравнению с прочими однопалатниками и в самом деле были незначительными. На него по пути к собственному джипу на парковке наехал чужой джип. Стопа попала под колесо, а при падении он об бордюр ещё и руку сломал. Руку сразу загнули, а нога до заживления наружных ран пребывала в лангете. Легче травмы, да. Но почему с тяжело травмированных деньги брать стыдно? С ними же возиться тяжелее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.